

Дана ДЕЛОН

**ПАДАЮЩАЯ
ЗВЕЗДА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д29

Серия «Виноваты звезды»

На обложке использовано фото *Алены Андриющенко* (@helena132)
Модель: Вероника Руденко (@pikagude)

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Делон, Дана
Д29 Падающая звезда / Дана Делон. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 350 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-114756-3

Верите ли вы в любовь с первого взгляда? А быть может, с первого поцелуя?

Молодая француженка Эстель дю Монреаль уверена, что в жизни каждого происходят события, которые можно назвать судьбоносными.

Например, встреча с человеком, разделяющая жизнь на «до» и «после».

Однажды Квантан Делион знакомится с прекрасной незнакомкой.

Став частью ужасного скандала, он теряет ее, но не оставляет надежды увидеться вновь.

Будет ли она готова к этой встрече? Сможет ли простить ошибки прошлого?

История о ненависти и прощении, о выборе и его последствиях, о любви и ее пороках.

© Дана Делон, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моему лучику солнца!
Моей сестренке Алисе!
Люблю тебя!*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

L'esprit cherche et c'est le coeur qui trouve.

George Sand

Разум ищет, и только сердце находит.

Жорж Санд

Глава 1

ЭСТЕЛЬ, 2016 ГОД

Марион без стука врывается ко мне в комнату:

— Я знаю, что твоих друзей-неудачников дома не кормят. Но если они еще раз съедят весь мой шоколад, я расчленю каждого и закопаю в лесу.

Телефон прерывает ее гневную тираду.

Взглянув на экран, я специально делаю робкое выражение лица и смотрю ей в глаза, намекая: «Тебе пора». Но она лишь складывает руки на груди и приподнимает идеально выщипанную бровь, словно говоря: «Мы еще не закончили».

Я подношу телефон к уху и, не сдерживая улыбки, произношу:

— Привет, Алекс!

Марион опускает руки и переминается с ноги на ногу. Секунду она выглядит растерянной, но быстро берет себя в руки.

— Как дела, малявка? — раздается на том конце.

— Все было бы намного лучше, если бы ты, братец, вчера не слопал весь шоколад нашей сводной сестрички.

Эта жадина угрожает разорвать тебя на кусочки, — самодовольно тараторю я и ехидно улыбаюсь.

Марион меняется в лице. Конечно, одно дело, если шоколад съели мои друзья-«неудачники», и совсем другое — если это сделал Алекс. Он подобен королю, ему добровольно отдадут весь шоколад мира и будут с восхищением наблюдать, как он его поедает. Есть люди, которым можно все. И есть Алекс, которому можно абсолютно все.

— Я этого не говорила, — кричит Марион, резким движением поправляя свои каштановые волосы.

Ее зеленые глаза смотрят на меня с нескрываемым раздражением. Она красивая, стоит признать. В ней есть что-то кошачье, притягательное, но отвратительный характер и манера общения не дают проникнуться положительными качествами. Дома она воеет как сирена, а на людях — лапочка, леди, недоделанная аристократка, чтоб ее...

От крика Марион звенит в ушах. Алекс начинает смеяться, представив себе мое перекошенное лицо.

— Я заеду за тобой в течение часа, поужинаем с мамой. Спустишься, я не хочу подниматься, — по-прежнему смеясь, просит он.

— Не хочешь подниматься? — громко переспрашиваю я и в упор смотрю на Марион. — Интересно почему?

Не скрывая сарказма и не отводя взгляда, я приподнимаю бровь, делая вид, что слушаю ответ Алекса, и произношу:

— Да, я одолжу тебе свои беруши.

Марион фыркает и, задрав нос до потолка, покидает комнату, громко хлопнув дверью.

— Эль, ты растешь стервой, — со смешком говорит мой братец.

Я кладу трубку и с улыбкой на лице иду к шкафу выбирать наряд для нашей встречи. «Растешь стервой» — прокручиваю в голове. Наверное, так и есть. Мой характер вполне можно назвать скверным, но в этом виновата не я одна. Думаю, немалую роль сыграла атмосфера в семье. Я, конечно, очень люблю Антуана и Луизу. Первый претендует на звание самого заботливого отца, вторая — самой понимающей и любящей матери. И я им очень благодарна за все хорошее, что они для меня сделали, но... Есть парочка «но».

Насколько мне известно, у моих родителей нестандартная история любви. Они познакомились в юном возрасте, на выставке тогда еще не особенно знаменитого, но талантливого и перспективного художника Жан-Люка Форестье¹. Мои родители приближались к порогу совершеннолетия, Жан-Люк опережал их всего на пару лет. И, как однажды мне призналась мама, она влюбилась с первого взгляда... в каждого из них. Впрочем, это заявление требует маленького уточнения. С первого взгляда она влюбилась в талант Жан-Люка и его невероятные работы. А ее девичье сердце покорила мой папа, юный аристократ — Антуан дю Монреаль. С тех пор прошло более тридцати лет. За это время они успели дважды вступить в брак друг с другом и дважды развестись. Да-да, первый раз они развелись через год совместной жизни. Им было по двадцать два года, и, как оказалось, они не были готовы стать семьей. Но у судьбы имелись свои планы на их счет. После развода мама узнала, что беременна, и эта новость произвела сильное впечатление на обоих. Достаточно сильное, чтобы они вновь сошлись и спустя девять месяцев познакомились с Александром-

¹ Данный художник является вымышленным.

Антуаном дю Монреалем. Или просто Алексом — моим старшим братом. Занозой в одном месте и обладателем самого тупого, но невероятно заразительного юмора. Так как мои родители были очень молоды и не готовы к такой ответственности, как ребенок, воспитанием Алекса занимались все: бабушки и дедушки, тети и дяди. Если выражаться точнее, все его просто баловали. Он был любимцем в семье, и каждый считал долгом исполнить любой его каприз. В какой-то момент отец повзрослел, как выразилась моя бабушка, и взял воспитание сына в свои руки, но это мало что изменило. Алекс был и остается большим и несерьезным ребенком. Мне иногда кажется, что я старше него, хотя ему тридцать, а мне всего пятнадцать.

Второй раз моих родителей хватило дольше чем на год: они четырнадцать лет жили под одной крышей, делая вид, что воспитывают Алекса, вдохнувшего новую жизнь в их брак. Но либо эта жизнь была недостаточно насыщенной, либо Алекс слишком повзрослел. В четырнадцать лет его отправили в школу-пансион, а сами повторно развелись. Но через девять месяцев после развода, решив не нарушать «добрую» семейную традицию, на свет появилась я — Эстель-Элеонор дю Монреаль.

Будучи еще маленькой девочкой, я поняла, что моему семейному древу может позавидовать сама королева Англии. По крайней мере так говорила бабушка Элеонор, в честь которой я получила второе имя. Еще я поняла, что чудеса происходят лишь однажды. Конечно, если вам очень повезет, судьба смилуется и может подарить второй шанс. А третьего точно не будет. Так, мои родители развелись во второй раз, и уже ничто не могло им помочь, даже рождение еще одного ребенка. Они лишь договорились о моем совместном воспитании. На этом

история их любви закончилась и начались новые. Спустя какое-то время мама вышла замуж за ранее упомянутого Жан-Люка, а папа женился на невыносимой бестии по имени Мари. Так моя жизнь разделилась на две семьи и два дома.

От Жан-Люка вечно пахнет красками и ацетоном. Еще у него всегда до ужаса задумчивый вид. Он считает, что обязан творить историю, вносить в мир безнадежного современного искусства нечто тонкое и изысканное. А мама воспринимает себя его музой. Его успех — это ее успех. Она готова жить среди паров ацетона и красок с блаженной улыбкой на лице и не спать вместе с ним, просиживая ночи напролет в мастерской. Она, как и он, порхает в облаках, не думая о суете этого мира. Когда я смотрю на них, у меня появляется мысль, что любовь к деятельности определенного человека может быть важнее любви к нему самому. Поясню. Моя мама была без ума от моего отца, но ревновала его ко всему: работе, друзьям, даже к родственникам. Ей хотелось, чтобы все его время принадлежало лишь ей одной. Отсюда обиды, срывы, непонимание и все, что приводит к неминуемому разводу. Отцу же в наследство досталась разоренная транспортная компания, и он очень много работал, чтобы выплыть из долгов и поднять фирму на новый уровень. Это сейчас он заключает миллионные сделки — вначале все было по-другому. Луизе неинтересна его работа, она никогда не вникала в его проблемы. А с Жан-Люком дела обстоят иначе. Она влюблена в его дело и так же, как он, готова положить свою жизнь на достижение поставленных им целей. Они поженились десять лет назад, и с тех пор в их доме не было ни одной ссоры.

Жан-Люк никогда не пытался заменить мне отца. Он, скорее, является моим хорошим другом. Антуан же

действительно выполняет обязательства самого лучшего папы на свете. Даже когда нас разделял океан. Я долго жила в Нью-Йорке вместе с мамой и Жан-Люком. Папа остался в Париже и, несмотря на работу, отнимающую все время, чаще мамы справлялся о моей успеваемости в школе и при необходимости нанимал репетиторов, чтобы я не отставала, поддерживал любые мои начинания. Антуан серьезен, Луиза легкомысленна. Она никогда не проверяла мой дневник, часто выступала соучастником прогулов. Вообще, жизнь в ее представлении проста: что хочешь, то и делай. Антуан считает такое воспитание неподходящим для современных детей, которым придется выживать в жестоком конкурентном мире. Но для моей мамы он отнюдь не жестокий. Она красивая, умная, уверенная в себе и всегда веселая. Ей все дается легко, я тоже хочу быть такой. Ведь другие взрослые — серые, уставшие, замкнутые — не вызывают вдохновения! Моя же мама — фейерверк. Мне кажется, именно это качество мой отец любит в ней больше всего, но, сам того не замечая, своими поучениями чрезмерно воспитывал ее и тушил этот огонек. Прозвучит банально, но они не создают друг для друга. Я каждый раз удивляюсь, вспоминая, что когда-то их объединила большая и яркая любовь. Об этом мне поведала все та же бабушка Элеонор. Она с сияющими глазами рассказывала, как Антуан ухаживал за Луизой и насколько эти «дети» были счастливы вместе. Я же, видя, как они постоянно спорят, начинаю сомневаться, что одной любви достаточно. Струна между ними бывает натянута до предела. Но папа всегда уступает: стоит маме показать, что она расстроена, как он успокаивается и ему становится совестно. Луиза говорит, что женская сила заключается в слабости. Это приводит к мысли, что она манипулирует отцом, а он, если и догады-

вается о ее мотивах, ничего не может с собой поделаться. Ему категорически не нравится ее расстраивать.

Мы долго жили на разных концах света, но я знала, что так будет не всегда. В один прекрасный день Жан-Люк решил переехать в Индию, точнее на Гоа, в поисках вдохновения. Разумеется, они с мамой не видели в этом проблемы. Я лишь должна была собрать свои вещи, переехать вместе с ними, учиться на дому с репетиторами и радоваться жизни. В тот момент я осознала, почему мой папа возмущается, контактируя с этой сумасшедшей парочкой. Я попыталась объяснить, что у меня три последних важных года в школе и что все мои друзья живут на Манхэттене. Но мне отвечали с улыбкой и энтузиазмом: «Эль, детка, это же так здорово! Ты заведешь новых друзей, согласишься новую страну, проникнешься невероятным местным колоритом. Ты ведь так любишь индийскую кухню!» Мне хотелось орать. Какая, к черту, кухня?! Парень из параллельного класса позвал меня на свидание, и в школе скоро осенний бал! Я стала фотографом в газете, и вообще все мои мечты едва начали сбываться. Но мне сказали, что в моей жизни будет еще много разных парней и что нужно смотреть на ситуацию шире. Сейчас жизнь дает великолепный шанс!

Недолго думая я позвонила папе. Рассказав обо всем, стараясь не слишком сгущать краски и не жаловаться на маму, я спросила, могу ли пожить с ним. Я была готова переехать в Париж, но не на Гоа. Мама сначала хотела обидеться на меня, но я не позволила.

— Ты делаешь что хочешь, — глядя ей в глаза, произнесла я. — И я делаю что хочу. Даже не думай обижаться — твои манипуляции работают только с папой.

Повисла тишина. Мне стало казаться, что я перегнула палку, но мама неожиданно расхохоталась, обняла меня,

назвала «своей дочерью» и отпустила в Париж. Так в возрасте пятнадцати лет я села в маленький частный самолет отца, который через несколько часов приземлился в маленьком аэропорту Парижа — Бурже. И началась моя новая французская жизнь.

В тот момент я испытывала смешанные чувства. Когда тебе пятнадцать, переезжать в другую страну и идти в новую школу — довольно серьезное испытание. В старой школе я пользовалась популярностью. Модная француженка из богемной семьи — таков был мой имидж и визитная карточка. Много друзей, планы на каждые выходные — в общем, жизнь была ключом. Переезд словно отбросил меня назад. Во-первых, мне казалось, что я хорошо говорю по-французски, но скоро выяснилось, что лексикон моих родителей сильно отличается от тех словечек, которые используют местные подростки. Во-вторых, в парижской школе никого не удивишь французской модой. В-третьих, возникла проблема в лице сводной сестры. Если Мари — нынешняя жена моего отца — была президентом «всемирной ассоциации стерв», то ее дочка Марион занимала должность зама. Она была одной из самых популярных девочек в школе и сторонилась меня. Однажды Марион устроила грандиозную вечеринку, пока родители отсутствовали. На следующий день она разболтала всем, что я наядбедничала о ее поступке отцу, и что больше никаких вечеринок в нашем доме не будет. А что подростки ненавидят больше всего на свете? Правильно, ябед! В категорию которых я угодила из-за Марион. А ведь я не просто ничего никому не рассказала о вечеринке. Я, черт возьми, помогла устранить ее последствия. Но жизнь несправедлива — это был мой первый урок. Я встретила удар со всем достоинством, на которое только была способна: высоко подняв

голову, ходила одна по коридорам новой школы, не разговаривала с сестрой и не лезла в ее компанию. Чтобы справиться с одиночеством, я начала вести дневник, где изливала душу. Очень скоро вокруг меня образовался ореол загадочности. Люди сами начали подходить, знакомиться, интересоваться. Только друзей среди них я не видела.

Своего первого друга я нашла во время общей лабораторной по химии. Им стал Лео. Наш дуэт и химия оказались несовместимыми элементами в прямом смысле слова. Через десять минут после начала лабораторной из нашей колбочки повалил такой вязкий и вонючий дым, что учительнице пришлось эвакуировать класс. Она в бешенстве вlepила нам по нулям и оставила на два часа после уроков. Это стало отличным началом дружбы. Лео был ниже меня ростом и с мягкими чертами лица, усеянного подростковыми прыщами, которые не прибавляли ему уверенности. У него имелась своя компашка из числа изгоев, куда входили Валентин, Габриэль и Софи. Скоро я стала частью этой компании, и меня абсолютно не волновало, что я занимаю самые низкие ступени на социальной лестнице школы. У меня были друзья, повернутые на роке, сумасшедшие и очень веселые. Они быстро научили меня всем французским ругательствам и показали клевые места в Париже. Казалось, жизнь стала налаживаться.

Мое увлечение фотографией не прошло, а, напротив, росло с каждым днем. Заметив это, папа решил сделать мне подарок. Мы отправились в магазин, где он купил сразу две камеры — винтажную пленочную и цифровую. Мы вместе выбирали объективы, сумки и прочие мелочи. Это был прекрасный день, несмотря на то что нам пришлось вернуться домой к двум мегерам. С Марион мы по-прежнему не разговариваем, с Мари обменива-

емя короткими фразами. Каникулы я провожу с мамой на Гоа. Они с Жан-Люком увлеклись буддизмом, меня эта тема тоже заинтересовала. Я продолжаю вести дневник, в котором все чаще мелькают смешные истории из жизни.

Жалею ли я о переезде? Конечно, нет. Он открыл мне глаза на многие банальные, но важные жизненные аспекты. Например, что не стоит гнаться за популярностью. Ведь не важно, сколько людей о тебе знают, если среди них нет ни одного верного друга. Так что я не жалею о переезде. Ведь теперь я живу в самом прекрасном городе мира, который меня вдохновляет. Недавно даже захотелось написать книгу, взяв за основу свою жизнь. Напечатав пару листов, я поняла, что на данный момент это и есть вся моя история. Что ж, негусто... Написание было на время отложено, документ переименован в «Сумасшедшую историю» и сохранен на жестком диске наряду с прочей чушью, которую я иногда пишу. Но однажды я напишу автобиографию или подростковый роман. Опишу в нем свой Париж, любимые кафе и улочки, придумаю идеального парня, в которого вместе со мной влюбится каждая девушка, открывшая эту книгу...

ДЗИНЬ. Смс от Алекса: «Внизу через 10 мин». «Беги, братишка», — думаю я, отмахиваясь от воспоминаний и на ходу натягивая чистую футболку.

Алекс, как всегда, опаздывает. Я хожу взад-вперед, подняв голову к солнышку. Погода на удивление хорошая. После недели серости и дождей солнце все-таки навестило Париж. Мама вернулась в свой родной город — впервые за пять лет. Видимо, Алекс решил не упускать возможность провести с ней время, пока ей вновь не взбрело в голову уехать далеко-далеко. Однажды я спро-

сила ее, почему она долго избегала поездки сюда, и она честно призналась, что всю жизнь мечтала жить в другом месте. Мне это кажется странным. Глядя на потрясающую архитектуру старинных зданий, маленькие улочки с уютными ресторанчиками, Сену и влюбленных туристов, здесь я чувствую себя дома. Весна и Париж — лучшая комбинация. Я ощущаю вдохновение и прилив сил, душа поет. Но стоит отметить, что я люблю этот город всяким: серым и дождливым, солнечным и душным. Любовь к нему бьется глубоко в моем сердце, независимо от его состояния.

У обочины останавливается новенький спортивный кабриолет. Алекс начинает сигналить, еще больше привлекая внимание прохожих. Затем он театрально и очень забавно снимает солнцезащитные очки и произносит наигранным басом:

— Мадемуазель, вы прекрасны. Разрешите пригласить вас на ужин.

— Придурок, — улыбаюсь я в ответ.

Прыгаю на переднее сиденье и сразу пристегиваюсь, хорошо помня последнюю поездку, когда полицейский влепил Алексу штраф не только за превышение скорости, но и за непристегнутый ремень.

— Ты слишком милая для стервочки, — сообщает он и улыбается во весь рот.

Говорят, мы очень похожи. У нас обоих большие голубые глаза и светлые волосы. Оба пошли в маму, а она невероятной красоты женщина. Интересно, моя улыбка столь же заразительна, как его? Эти ямочки, смешинки вокруг глаз есть и у меня, но выглядят ли они так же привлекательно? Алекс — красавчик. Куда бы он ни пошел, что бы ни сделал, красавчиком его зовут абсолютно везде. Он умеет располагать к себе людей. Compliments,